

ВОДА

28 сентября 2019

ПРАВО ВОДЫ ТЕЧЬ: ОТКРЫТИЕ

Мир — теплее, чем когда-либо, и нагревается быстрее, чем когда-либо. Мир — грязнее, чем когда-либо, и загрязняется быстрее, чем когда-либо. Мы пытаемся бесконечно расти на ограниченных ресурсах. Мы пытаемся бесконечно загрязнять при ограниченных стоках. Мы перешли пределы и идём к исчезновению.

«Седьмой континент внутри нас, в нашей крови, в нашем мозгу. Изнутри сломанной и несправедливой системы мы пытаемся изменить и саму эту систему. И мы решительно не знаем, что делать.»

Открытие звучит как признание: мы не знаем. Не знаем, что делать — но принимаем само незнание как точку движения. Не знаем, исчезнет ли человечество — но уверены: исчезнут права человека, права животных, права природы. Открытие говорит: эта борьба — борьба с самими собой; искать врага вовне легко, но мы и есть этот враг.

Первая публичная встреча программы Sindirim — за воду, за право воды течь. Мысли, накапливавшиеся три года в закрытых встречах программы Solunum, теперь выносятся в публичное пространство — в рамке биеннале, но переливаясь за её пределы. Марафонский формат: исследователи, активисты, художники, музыканты выйдут на сцену поочерёдно, каждое выступление примерно по двадцать минут, между ними — смена сцены.

ПОРОЧНЫЙ КРУГ: РАСЧЁТ СТАМБУЛА С ВОДОЙ

Первое выступление рассказывает историю воды Стамбула — и эта история — порочный круг. Природный водный цикл прост: испарение с поверхностей, облако, осадки, встреча с почвой. Но где в Стамбуле почва? Всё — бетон и асфальт. Дождь не касается земли, не просачивается, цикл прерывается. Почему всё — бетон? Потому что миграция. Почему миграция? Потому что инвестиции — здесь. Почему инвестиции — здесь? Потому что прибыльно. Пока из крана течёт вода, человек будет продолжать течь.

Исследователь перечисляет цифры, и каждая цифра — рана: население более 15 миллионов, ежедневное потребление воды 2,73 миллиона кубометров — это гигантское водяное чудовище. Потери в сети 23,5 процента — из каждых четырёх стаканов воды один, выйдя из плотины, не доходит до домов, теряясь через трещины и протечки в землю. Более 170 ручьёв заперты в бетонные каналы. Годовые осадки выше среднего по Турции — это не водобедный город, это город, бедный управлением водой. Озеро Теркос питает Стамбул с 1880-х годов, но теперь оно перед лицом риска засоления. В качестве решения воду везут со ста восьмидесяти километров, из Большого Мелена — проект утоления жажды мегаполиса водой иной географии.

«Город дотягивается до каждой точки, где есть вода. Высушивает воду там, куда дотянулся. Потом тянется ещё дальше.»

СКАМАНГАНА УМОЛКЛА: КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ЧЁРНОГО МОРЯ

Второй голос идёт с Чёрного моря, и рассказ начинается с предмета: скамангана. Четырёхтысячелетнее устройство — работающее за счёт малых водных потоков, стекающих из долин, отпугивающее звуком колокольчика диких животных от полей. Наши предки и не думали убивать животных; через сочетание воды, каштана и ума они придумали решение.

Но скамангана умолкла. Потому что водные потоки, которые её питали, больше не текут. От малых ручьёв, спускавшихся из долин, не осталось даже следов. Как вода ходит по почве, так кровь — по человеческому телу — когда вы перерезаете воду наверху, вы перерезаете жилу всей жизни, что текла вдоль этой долины. Активист рассказывает эту историю словом «пришли» — несколько компаний с алчностью, лицемерием, с энергетической ложью. Они взрывали горы динамитом, заваливали побережье камнями, надевали наручники на ручки. Гидроэлектростанции — ГЭС — заперли воду рек в трубы. Под ложью «чуть ниже мы её обратно отпускаем». Краснопятнистая форель начала исчезать; вместе с высыханием воды высыхает и культура.

Рассказ превращается в сказку: Чинка, по-лазски — водяная фея. Дочь Падишаха фей однажды, расчёсывая волосы, выронила голову; ветер покатило её, ежевичный шип задержал, и Чинка благословила шип словами «пусть род твой не иссякнет никогда». Сказка обрывается на середине: «Всё наполовину. Ручей наполовину, фильм наполовину». Как скамангана, и сказка вместе с водой уже не может течь.

«Жаль, что Чинка не благословила всё Чёрное море. Чтобы корни ваши не сходили на нет, чтобы никто не приходил.»

ТОКСИЧНАЯ ЛЮБОВЬ: ИЗНУТРИ СЕДЬМОГО КОНТИНЕНТА

Третий голос — научный, но язык поэтический — морской учёный, преподающий это в университете, всегда идёт на пары с маленькой пробной чашкой. Рассказывает историю микропластика: в производстве пластика используется более девятисот химических веществ, сто сорок восемь — убийственные. Если наши ковры не горят, наши пакеты прочны, наши ПЭТ-бутылки гибки — причина этому те химикаты. «У нас токсичная любовь с пластиком», — говорит он. «Или ты мой, или ты — чёрная земля, — так говорит нам пластик».

Средиземное море — это микропластиковый суп. Восточное Средиземноморье — именно эти воды — одна из самых красных зон на карте мира. В заливе Искендерун, в Мерсине каждый день 31 килограмм пластика выбрасывается на берег, в сто раз больше уходит на дно. В двухсотмиллилитровой маленькой пробной чашке — пять миллиардов частиц микропластика. Пять миллиардов — посчитано, проверено пропорциями. Едят планктоны, едят рыбы, едят тюлени, едят птицы, едим мы. Даже вода из стиральных машин полна пластиковой нити.

«Перематываем плёнку назад. Мы выбросили пластик. Пластик вернулся к нам. Переработан, изменён, преобразован. В соли, в мидии, в устрице, в рыбе — во всём.»

МЕЖДУ ДВУХ МОРЕЙ: МАТЕРИАЛ, ГРАНИЦА, ПЕШИЙ ПУТЬ

Четвёртый голос — у инженера-художника — с аналитическим взглядом, который даёт инженерное образование, и с наблюдательной дистанцией, которую даёт визуальное искусство, он читает Стамбул через потоки материалов: каменоломни, строительный грунт, бетон. Каменоломни за махалле Гази расширяются всё больше. Старые залегания лигнита засыпаны грунтом, на них построен Третий аэропорт — «катастрофическое» основание, на котором собирается весь городской лом. Bosphorus City: закрытый ЖК, построенный на старой свалке Халкалы, искусственный канал, питаемый водой, незаконно изъятый из озера Кючюкчекмедже. Самое обнажённое лицо гротеска.

Но инженер-художник не только диагностирует, но и предлагает метод: идти пешком. Действие ходьбы — одно из самых базовых движений человеческой истории — от пеших походов Ганди до восстания 68-го в Париже, от коллектива «Stalker» до Ликийской тропы. Он предлагает превратить маршрут «Канал Стамбул» в пеший: пусть люди телом своим ощутят всё, что там происходит — хорошее или плохое. В эту же рамку входит обсуждение «плотин безопасности»: плотины GAP, стена США-Мексика, Израиль-Палестина, граница Турция-Сирия — вода превращается в средство безопасности, в предмет милитаризма.

«Не строится ли из воды граничная стена через плотины безопасности? Чью безопасность обеспечивают эти плотины? Не отрывают ли воду от всех её жизненных контекстов, превращая в инструмент милитаризма?»

ЗВУК ВОДЫ: ЗАКРЫТИЕ

В ходе марафона на сцену выходят и два перформанса — одна группа проводит водный ритуал, соединяя свои тела и голоса с водой; один музыкант превращает контакт корней растения с водой в электрические сигналы, оттуда в звук. Они не отражены в письменной транскрипции, но составляют дух программы: вода — не только предмет, который анализируют, это существо, которое можно пережить, услышать, тронуть. То, что исследование и перформанс стоят рядом — метод birbuçuk: знание приходит не только из данных, оно приходит и из тела.

На закрытии поднимается молодой голос на английском: «Maybe they will ask me about you, the people you knew back in 2018. Maybe they will ask why you didn't do anything». Тишина, опустившаяся на зал — как ответ. На следующей неделе встреча о бензине — нефтяная экономика, климатический кризис, музейные протесты. Публичный марафон Sindirim начался, и вода как первый объект вынесла самое конкретное и самое политическое: каждый ручей, чьё право течь похищено, каждый водный путь, запёртый в бетонный канал, каждое море, наполненное микропластиком, каждая плотина, превращённая в средство милитаризма — это разные лица одной системы. Право воды течь — на самом деле право жизни течь.